

Препарат / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Препарат / рассказ ПРЕПАРАТ

– Весь мир начался в пятидесятых годах. До пятидесятых ничего не было, – сказал Пашка Печатников.

– С чего это ты взял? – удивилась Алиса.

– А вот, посмотри.

Она наклонилась над его плечом.

Пашка отыскал в интернете старые рекламные плакаты, и теперь ониплыли по экрану сверху вниз один за другим, ненадолго останавливаясь посередине: автомобили, похожие на звездолеты, стюардессы, похожие на принцесс, летчики, похожие на президентов и домохозяйки, счастливые, как выпускницы. Что и говорить, подумала Алиса, в пятидесятых годах будущее было куда более привлекательным, чем сегодня.

– Ну и что? – она наморщила нос. – Ничего особенного.

Алиса была школьница семнадцати лет, тихая и серьезная, как фельдмаршал перед боем.

– Посмотри! – настойчиво ткнул подбородком в экран известный своей бестолковостью Пашка. – До пятидесятых годов вообще ничего не было. Вообще ничего стоящего. Сплошная визуальная помойка. Хаос. Элементарные частицы летали и сталкивались в безвоздушном пространстве. А потом – раз! – и возник вот такой мир.

«Визуальная помойка» – отметила про себя Алиса. Это он, видно, теперь дизайнером собирается стать, специалистом, должно быть, по рекламе, медиумагнатом. Вчера еще хотел быть банкиром, а позавчера – метеорологом.

– Какой?

– Ну, вот такой: красивый.

– Красивый? Это ты «красивый» называешь?!

– Который теперь постепенно снова на части распадается.

Пашка был юношей тощим и горячечным. Алиса считала, что их отношения – это явление случайное, временное, заболевание

переходного возраста, которое нужно воспринимать стоически, как скарлатину, поскольку известно, что чувства приходят и уходят, а разум остается. Все ее подружки говорили, что Пашку невозможно было воспринимать всерьез, что он все время несет какую-то околесицу, что он безнадежен, но Алиса полагала, что у нее, как у всех, есть обязанность перед обществом и обязанность эта заключается в том, чтобы именно вот таких заблудших овец, как Пашка, именно вот таких суетливых дикарей незаметно наставлять на путь истинный, просто общаясь с ними время от времени и особенно не позволяя ничего лишнего.

– Все это чепуха, – сказала Алиса. – Мне пора.

– Я мог бы родиться в пятидесятом году.

– У меня отец родился в пятьдесят седьмом.

– Он такой старый у тебя? – удивился Пашка.

– Да, – неохотно призналась Алиса. Ей почему-то не хотелось делиться с одноклассником семейными подробностями, но она, тем не менее, продолжила, как будто самой себе назло: – Моя мама у него – третья жена.

– Даже не родиться, – сказал Пашка, – а возникнуть. Просто мог бы возникнуть из ничего. В тысяча девятьсот пятидесятом году. Из хаоса.

– Ты дурак, Пашка, – привычно констатировала Алиса, пытаюсь увернуться от его как бы непреднамеренных прикосновений.

– И мне было бы сразу лет двадцать пять. И я был бы особо одаренным капитаном круизного лайнера.

– И все девушки стояли бы в очереди в твою каюту капитанскую, – съязвила Алиса, окончательно отстраняясь от него, – начиная от официанток и заканчивая малолетними дочками мультимиллионеров. А ты бы ходил перед ними с коктейлем. В капитанской форме. Курил бы сигару и выбирал. Ох, скорее бы тебя, Пашка, в армию забрали... Там тебя научат уму-разуму. Там из тебя дурь-то повыбьют.

– Меня в армию не возьмут, – нахмурился Пашка. – У меня плоскостопие.

Он скорчил страшную рожу, предпринял еще одну попытку и снова потерпел сокрушительное поражение.

– А куда ты торопишься?

– Надо.

– Всего половина пятого.

– Надо мне.

Она уже надевала свои красные спортивные туфли – и он снова, не отдавая себе отчета, поразился не совсем обычному, как бы немножко карикатурному изяществу ее перекрестившихся на мгновение запястий и лодыжек, хотя ему как минимум лет восемь еще оставалось до того момента, когда некоторые мужчины – в первую очередь, конечно, специалисты в области визуальных коммуникаций – начинают более или менее разбираться в таких вещах.

– Ты вечером-то к Савке-то пойдешь? – спросил он.

– Если денег нарою у отца, то пойду.

– Он что, тебе денег не дает?

В прихожей радио на полную катушку призывало потенциальных пациентов – прежде всего, пенсионеров – воспользоваться чудодейственными возможностями препарата «Проактин-Б». Пашка прислушался. Вид у него был расстроенный.

– Вот из-за этого мир и разрушается.

Алиса остановилась у двери.

– Из-за чего?

Пашка кивнул на радиоприемник, прикрепленный к стене.

– Вот из-за этого хамства.

– Что ты называешь хамством?

Алиса насторожилась.

– Вот это.

Пашка повернул рукоятку громкости, и оглушительный бодрый голос, громоздкий и сверкающий как холодильник-«люкс», заполнил небольшую прихожую. Пашка подождал и снова убавил громкость.

– Как ты не понимаешь? Это же все лажа полнейшая!

– Ничего это не лажа, – холодно возразила Алиса.

Пашка изумленно уставился на нее.

– А что же это такое, по-твоему?

– Реклама самая обыкновенная.

– Вот именно! Что они делают? Посмотри: разве могут эти таблетки одновременно от рака помогать и от головокружения? А

это средство еще к тому же и усталость снимает, и боль в суставах, и зуд кожный – и вообще все болезни, которыми только всякий вообще может пожилой человек страдать! Ну разве это не жульничество?! И от геморроя оно помогает и от ангины и от мозолей! И они специально человека нанимают, который так всю эту галиматью проникновенно рассказывает, будто бы он сам эти таблетки принимал и вылечился! Посмотри, что он говорит: «Я всегда с подозрением относился к препаратам широкого профиля!» И еще они ему на заднем плане шум улицы подложили, чтобы звучало естественнее! Жулики!

– Ты что думаешь, – холодно спросила Алиса, – ты один такой специалист? А все остальные – идиоты?

Она удивилась, что Пашка так распетушился из-за этой дурацкой рекламы, которую все равно никто и никогда не слушает.

– Я? Нет, конечно, но ведь люди пожилые, они за любую соломинку хватаются! Вон моя бабка – она всю пенсию свою на эти лекарства тратит.

– Теперь понятно, в кого ты такой сообразительный.

– Тут не нужно особенно быть сообразительным.

Алиса нахмурилась.

– А ты не думал о том, что, может, у этого лекарства есть психологическое воздействие? Если даже это такая пустышка, как ты говоришь, конфетка, сахарная пудра, витамин, то, может, именно из-за того, что ее так рекламируют, пожилые люди эти таблетки принимают и им все-таки легче становится. Чисто психологически.

– За такие деньги они в круиз могли бы съездить.

– Ты достал уже всех со своими круизами! Ты о чем-нибудь еще, вообще, думаешь, кроме этих своих круизов?

Пашка отстранился, сделал козью морду, глаза у него сделались бесстрастные, как у хищного животного, и расстались они без особенных церемоний.

– Скажи, это ты «Проактин-Б» рекламируешь? – спросила за обедом Алиса у своего отца.

– А что, уже начали передавать? – отец улыбнулся и покосился на мать. – Слышала?

Отец у Алисы был массивный грузный мужчина с округлым полным лицом, глазами циника и детскими пухлыми губами. Не вполне удачливый актер, ленивый и легкомысленный, причем не просто беспечный от природы, а очень упорно, последовательно и настойчиво беззаботный, так, будто он этой беззаботностью пытался доказать что-то невидимому, но не менее упорному и настойчивому оппоненту – возможно, даже самому великому русскому писателю Достоевскому, который, казалось, со своей стороны неустанно напоминал отцу, что жизнь трудна и что страдание улучшает человеческую натуру.

– У знакомого, – угрюмо ответила Алиса.

– Хорошая реклама получилась, правда?

Довольный отец оглядел семью.

– А ты не думал, – спросила Алиса, – что это нечестно?

Мать оторвалась от Костика и удивленно посмотрела на нее.

– Что именно? – нахмурился отец.

– Ну, вот то, что эти лекарства от всего лечат. Ведь это жульничество. А ты их продаешь.

– Во-первых, я ничего не продаю, – после короткой паузы сдержанно ответил отец. – Я лекарствами не торгую. А во-вторых, существует Министерство здравоохранения. Оно выдает лицензии на эти лекарства.

– Как будто ты не знаешь, как они их там выдают, – поморщилась мать. – Откатят им как следует – они на цианистый калий тебе лицензию выдадут...

Ложка с супом повисла в воздухе. Подумав, отец положил ложку обратно в тарелку.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он у жены.

– Ты ведь актер, – ответила вместо матери Алиса, – снимался в хороших фильмах. Ведь это как врач, который клятву Гиппократова давал. Разве можно после того, как ты клятву давал Гиппократова, лечить людей, например, по фотографиям?

– Можно, – сказал Костик.

Алиса возмущенно оглянулась на брата. Она заранее рассердилась на него за то, что вот сейчас из-за его глупости отец и мать наверняка превратят серьезный разговор в комедию. Как участник дискуссии, пятилетний Костик показался Алисе небольшим

расплывчатым пятном, похожим на ком пуха, который всегда оставался после расчесывания кошки Нюры. Из середины этого пятна торчала его большая, упрямо наклоненная лобастая голова. Мать рассмеялась, потрепала сына по мягким светлым волосам; он поднял голову и довольно улыбнулся.

– Черт возьми, – сказал отец. – Вы о чем?

– Ну, вот про эти таблетки, – настаивала Алиса.

– Ох, и настырная же ты!.. – вздохнула мать. – В кого бы это?

Она покосилась на мужа. Муж подумал, посмотрел на пятна жира, уныло плававшие вокруг его ложки.

– Это все не так просто.

– А что тут сложного?

Он с тоской посмотрел в окно.

– Это самые обыкновенные лекарства, – сказал он после паузы. – И даже если они не стопроцентно излечивают человека от... разных болезней, то все равно они помогают – чисто психологически.

– Иногда даже за счет рекламы, – подсказала мать.

– Именно! – оживился отец. – Иногда даже за счет рекламы. Тут больше убеждение, в первую очередь, работает: внушение, самовнушение, а не только медикамент. Тут многое на подсознательном уровне воспринимается, поэтому многое тоже зависит от голоса, от убедительности высказывания.

Обед они доели молча, и после обеда отец сказал, что поедет навестить Рукавишникова, которого не видел уже три месяца и который обещал отцу поговорить в театре Вахтангова, если появится хоть какая-то зацепка. Алиса поймала отца в прихожей.

– Слушай, – сказала она, – тут такое дело...

– Что?

Он остановился с ботинком в руке и смотрел на нее чуть более отчужденно, чем обычно.

Она вдруг почувствовала к нему редкую симпатию, как в детстве, когда во время скарлатины он читал ей вслух «Даму с камелиями». Он показался ей немного обескураженным, обиженным, растерянным. Ей захотелось прижаться к нему, обнять, сказать, что все будет хорошо, что все устроится, что он станет знаменитым, заработает кучу денег, и мать перестанет с ним собачиться через два дня на третий, перестанет пропадать у

подружек и рассказывать специальным назидательным тоном про их, этих подружек, курортные приключения.

– Мне нужно тысячи полторы, – сказала она вместо этого. – Понимаешь, у одного моего знакомого сегодня день рождения и каждый должен что-то принести, какой-то подарок.

– Я же тебе... – начал было отец, но потом остановился.

Некоторое время они стояли молча и слушали, как радио в прихожей расхваливает на все лады достоинства «Проактина-Б». Потом отец ушел в комнату, вернулся и протянул дочери пятьсот рублей.

Об авторе: СЕРГЕЙ БОЛМАТ

Родился в Ленинграде. Живет в Лондоне и в небольшом городке на побережье Средиземного моря. Окончил художественную школу номер 190 и ЛВХПУ им. В.И.Мухиной.

Автор книг «Сами по себе», «Самое большое животное», «В воздухе» и др. Финалист премий «Национальный бестселлер» и имени Андрея Белого. Книги переведены на восемь европейских языков. Neкаýalar